

С ума посходили!

Должен ли гений обязательно быть ненормальным?

Странная одежда, экстравагантные выходки, пристрастие к разным видам допинга, без которых воображение творца якобы не обретет свободы... Знакомый образ, не так ли? Современная массовая культура навязывает нам представление о том, что если уж человек поистине талантливый, то он непременно должен отличаться от нас не только в своих произведениях, но и в жизни. Неужели и правда: хочешь назваться гением, пускайся во все тяжкие? Найти ответ пытаются доктор исторических наук Дмитрий Володихин и психолог Александр Ткаченко.

Дмитрий Володихин

Для начала о Бахе...

Вот уже век с копеечками, как от настоящего большого таланта в искусстве ждут... безумств. Да что там безумств — экстаза, надрыва, какой-то особенно вычурной порочности. А иначе — как же у него получится творить? Ведь если он не безумец, не в экстазе, никого не совращает и сам никем не совращен, тогда... тогда это скучный ремесленник. Никому он не интересен, ничего доброго он не создаст.

Романтики, жившие на рубеже XIX–XX столетий, создали образ, впоследствии разошедшийся в миллионах копий и от частого употребления задубевший до полной непроницаемости. Вот талант... нет, не стоит мелочиться! Вот сразу гений. Он живет на Монмартре, по утрам пьет кофе, днем глушит абсент, а вечером закусывает табачным дымом. Исповедует, разумеется, свободную любовь, не различающую цветов и полов, ссорится с домохозяй-

кой, хамит маме, потому что она его не понимает, — его вообще, по большому счету, никто не понимает — выходит на баррикады, оказывается на каторге, возвращается несломленным, но привычку к абсенту меняет на привычку к рому. Он, конечно же, хулиган и анархист. Три раза разведен, на четвертый просто забыл, кто именно из всех — его законная жена. Проходя мимо церкви, корчит рожи. Бросается в полицейских камни. Болеет всяким, особенно силён по части душевных

расстройств — они ему удаются как ничто другое! Очень страдает от всего. У него — страдающая душа, ему весь мир — один сплошной ожог... В паузах между абсентом и промискуитетом впадает в священный экстаз, творит. Много творит. Пишет. Стихи, например. Или музыку. Как выйдет из экстаза, так не помнит, куда положил то, что натворил... Умер, наконец. Естественно, одинокий, нищий, непризнанный и несмирившийся. Очень скоро любители искусства находят в его мансарде гениальные творения, которыми при жизни автор имел обыкновение расплачиваться за выпивку. Совершенно гениальные! Абсолютно!

Э-э... узнаваемо?

А ведь это еще цветочки.

Пришел абстракционизм. Пришел рок. Пришел кинобизнес.

Образ расхристанного недотепы из мансарды получил радикальное добавление. То есть пусть, конечно же, парень пьет. Но этого далеко не достаточно. Зачем, собственно, самому-то экстаз выкорячивать? Можно же вызвать сатану из преисподней, душу ему продать, а он за душу сам будет водить пальцами по струнам (клавишам, клавиатуре компьютера и т. п. — нужное подчеркнуть). Проще же, если судить с чисто технологической точки зрения...

А теперь давайте остановимся. Какой поток дряни! Гремящая лавина дряни. И ни капли правды. В самой основе — ложь, ложь и ничего, кроме лжи.

А ложь эта состряпана для тех, кто не хочет идти в искусстве самым трудным и самым правильным путем ремесленничества, но жаждет славы, денег, признания. Осваивать ремесло — такая нудная, такая долгая штука! Кому-то жизни не хватит, чтобы его как следует освоить. Вот и падки души некрепкие на соблазн: войти в пантеон славы через безумие и порок. Иными словами, через расставание с образом Божиим, живущим в каждом из нас.

Правда-то неистовыми сюжетами не блещет. Правда-то — простушка.

Гениальные вещи чаще всего создаются именно ремесленниками. Просто потому, что те умеют их создавать. Безо всякого экстаза, сумасшествия, стимуляторов и тем более — безо всякого обращения к темным силам. Путем хорошо организованного труда. И ничего сверх того.

*Иоганн Себастьян Бах.
Неизвестный художник. XVIII в.*

Вот передо мной лежит книга превосходного современного музыковеда и композитора Анны Ветлугиной «Бах». Что может быть выше Иоганна-Себастьяна Баха в музыке? Моцарт? Бетховен? Вагнер? Может быть. А может быть, и нет. Всё это личности с самой вершины музыкальной Джомолунгмы. Когда их называют гениями, никто не спорит, ибо это аксиома.

Но что такое Бах — как показывает его Ветлугина, очень цепкий, очень дотошный исследователь? Экстатик? Пьяница? Буян? Мятажная душа? Анархический одиночка? Да вовсе нет.

Это личность принципиально иного склада.

Бах прежде всего... ремесленник. Всю свою сознательную жизнь — ремесленник. Человек, на протяжении нескольких десятилетий работавший безостановочно и в чудовищных объемах. От его плодовитости кружится голова. Настоящий пахарь-от-музыки.

Очень хороший семьянин. Кормил семью, сколь мог, — пока недуги не доконали. Считал копейку и, бывало, торговался за нее с заказчиками. А как еще поступать, когда детишек полон дом?!

Не напивался. Не бунтовал. Не искал экстаза. Видимо, вообще не очень понимал, что для создания гениальных произведений нужен какой-то там экстаз, а не письменный стол.

На протяжении всей жизни проявлял спокойный трезвый ум. И — ни малейших признаков душевного расстройства! Иоганн Себастьян Бах — воплощенная норма.

О, целый месяц Бах провел в уютной городской тюрьме, куда жена носила ему домашние обеды. Не за какие-нибудь идеи отправили его туда, а всего лишь за строптивость в вопросах трудоустройства. Ноль романтики!

Бах, как подает образ великого композитора Анна Ветлугина, менее всего был способен к роли мятежника.

Напротив, как музыкант он — в высшей степени традиционалист, можно сказать, столп традиции. Бах писал музыку, уходящую корнями в XVIII век, а не перебрасывающую мостик в XIX. Если говорить о каком-то «развитии», «прогессе» в творчестве Баха, то это именно развитие традиции, уже наработанной в немецкой музыке прежней эпохи. Можно сказать, дополнение устоявшегося...

А как личность он ни разу не облачался в одежды ниспровергателя основ, бунтаря-одиночки и т. п. ➔

Композитор ушел из жизни в середине XVIII столетия. Вторая половина века, наполненная мотивами свирепого якобинства, не жаловала его; наследие Баха почти забыли, он вернулся к образованной публике позднее, когда Европа перепрыгнула через темную бездну революционных бурь.

Бах и выглядел консерватором, и был им на деле. Его портрет, мастерски нарисованный Ветлугиной, словно волнолом, опрокидывает всю кипящую стихию ложных представлений о «мятежной душе истинного творца».

Ну а если бы кто-то предложил Баху вызвать беса и продать душу за гениальность, композитор бы, по всей видимости, отвернулся, не говоря ни слова. Или со всей немецкой основательностью опробовал бы на дурачке прямой справа. Из педагогических соображений...

От колыбели до могилы Бах был добрым христианином. Он, как показывает Ветлугина, писал либо духовную

музыку, т. е. насыщенную аллюзиями на Священное Писание, жития святых, творения святых отцов, либо прямо литургическую. Иначе говоря, предназначенную для исполнения в храме, во время богослужения.

Бюргер, добропорядочный бюргер.

Гениальный благочестивый ремесленник.

По правде сказать, это словосочетание не должно резать глаз. Ибо ядовитый стереотип об экстатических состояниях, необходимых для «прорыва к гениальности», — просто злая выдумка. Всё честное, доброе, красивое так или иначе происходит от Бога. Ремесло — от Бога. Заповедал Бог в поте лица добывать хлеб, и так оно и должно быть, пока не появятся новая земля, новое небо, пока рай вновь не откроет для людей врата. Именно ремесленнику Господь позволяет быть солью искусства.

Итак, ремесло — от Бога.

Александр Ткаченко

...и наконец, о Дали

Гений и безумство, как ни печально — две вещи совместные. Подтверждений тому куда больше, чем хотелось бы видеть. Тут и отрезанное ухо Ван Гога, и эксцентричные выходки Сальвадора Дали, и психиатрические диагнозы Велимира Хлебникова и Даниила Хармса, и койки в европейских лечебницах для душевнобольных, на которых закончили свой жизненный путь Шуман и Ницше.

Сальвадор Дали.
Фото Филиппа
Халсмана.
1954

Перечислять этот невеселый список можно было бы довольно долго. Кроме того, у великих безумцев во все времена находилось множество куда менее талантливых подражателей. Не имея возможности уподобиться своим кумирам в творчестве, они стремились походить на них хотя бы в их безумии. И здесь, действительно, имеет смысл говорить о пошлости и лжи, пытающихся подменить Божий дар известным гастрономическим блюдом. Но все же жестко противопоставлять ремесло художника эксцентричному поведению, наверное, не стоит. Уже потому хотя бы, что все без исключения великие безумцы-эксцентрики были одновременно и прекрасными ремесленниками. Да, пьянству, наркомании, беспорядочным связям и прочим атрибутам «экстатического творчества» предавались десятки тысяч художников, писателей и музыкантов. Но история искусства дама строгая, на ее страницах остались лишь те из них, кто в совершенстве владел своим ремеслом. Тот же Сальвадор Дали, например, был, мягко говоря, не совсем обычным человеком. Мог выйти читать лекцию в водолазном скафандре (что едва не стоило ему жизни: шлем скафандра заклинило, художник начал задыхаться и уцелел лишь благодаря помощникам, вовремя разрезавшим скафандр). Мог позировать перед телекамерами в грубо, усыпанном деньгами и кишасшим муравьями, с яичной скорлупой на лице. Мог появиться на публике в изобретенном им «пиджаке-афродизиаке», к которому на тоненьких соломинках были подвешены 83 стаканчика с мятным ликером и мертвыми мухами, а вместо манишки художник использовал бюстгальтер. Но при всем при этом он был также и одним из самых высококлассных рисовальщиков своего времени. В мадридской Академии (1921–1925) он все свободное от занятий время посвящал изучению техники живописи старых мастеров, которой, по его воспо-

минаниям, там никто не знал и не интересовался. Дали же много лет внимательнейшим образом изучал эту технику как во время учебы, так и самостоятельно в Прадо (а затем и в Париже) на оригиналах классиков живописи. В итоге этот чудака из Каталонии достиг фантастического уровня мастерства, которое не возьмется оспаривать даже самый суровый критик его творчества. На протяжении нескольких десятилетий Дали работал безостановочно и в чудовищных объемах. И был таким же пахарем-от-живописи, как Бах — от музыки. Обратной стороной его эпатижа было ремесло, которым он владел блестяще. Однако созидательным его творчество назвать вряд ли получится. Сальвадора Дали можно уважать как мастера, но это мастерство изображения распада, им можно восхищаться, но это восхищение от взгляда в бездну. Собственно, Дали и не скрывал, что в основе его творческой философии лежит психическое расстройство. Напротив, художник это открыто манифестировал: «Параноя, — писал он, — систематизирует реальность и выпрямляет ее, обнаруживая магистральную линию, сотворяя истину в последней инстанции. <...> Мой параноидально-критический метод сводится к непосредственному изложению иррационального знания, рожденного в бредовых ассоциациях, а затем критически осмысленного. Осмысление выполняет роль проявителя, как в фотографии, нисколько не умаляя параноидальной мощи».

Итак, истина в паранойе! Добро пожаловать в удивительный мир Сальвадора Дали, великого ремесленника и труженика, постигшего секреты мастеров Ренессанса!

Да, ремесло, действительно — от Бога. Но, как и всякий другой труд, оно может вести человека по очень разным дорогам, в зависимости от выбранных им ориентиров.

Великий Бах был глубоко верующим человеком, христианином и весь свой титанический труд посвятил Богу.

Великий Дали всю мощь своего мастерства посвятил исследованию темных глубин собственной психики. И тот и другой были ремесленниками, что называется, до мозга костей. Но Бах в творчестве стремился к целостному пониманию человека и его места в мире, сохраняя в своем сердце эталон нашей человечности — евангельский образ Христа. Дали же, напротив, все время пытался разъять душу человека на составляющие, заглянуть в хаос бессознательного и потом отразить увиденное на своих полотнах, полагая, что эти запечатленные им фантомы и есть суть человека. Свои методы каждый из этих двух великих людей сознательно выбрал для себя сам, оба они неуказательно следовали избранному всю свою жизнь. И принципиальное различие между ними заключается отнюдь не в противопоставлении ремесла с одной стороны, и творческого экстаза с другой, а как раз в этом их осознанном выборе направленности творческой мысли. А стиль их жизни был всего лишь внешним выражением и следствием этой внутренней позиции. Был ли Дали действительно болен, или же все его выходки являлись умелым эпатижем в рекламных целях, не так уж важно в данном случае. Жизнь у человека одна, и потратить ее без остатка на создание репутации сумасшедшего — слишком большая расточительность даже для великого художника.

Талант — дар Божий. Овладение ремеслом для выявления в себе этого таланта — дело труда, который тоже заповедан человеку Богом. Но вот как потом употребить этот выявленный и отточенный многолетним трудом талант — дело личного выбора каждого художника. И, к сожалению, выбор этот часто бывает не в пользу добра. Свяtitель Игнатий Брянчанинов в переписке с композитором М. И. Глинкой писал: «...Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это. Зло в природе,

особенно в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение им очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиной истинного, со всею горячностью сердца. Когда уже истощатся силы и души, и тела, тогда приходит разочарование, по большей части ощущаемое бессознательно и неопределенно. Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут».

*Постоянство
памяти.
Сальвадор
Дали. 1931*

Почему так получается — отдельный большой разговор. Иногда творчество подобного рода бывает следствием болезни, иногда — болезнь становится результатом такого творчества. Но очевидно, что воспевание страстей и распада не добавляет художнику душевного здоровья. Фридрих Ницше знал, о чем говорил, когда писал свои знаменитые слова: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Философ и поэт, прославившийся своими боготворческими произведениями и проповедью грядущего «сверхчеловека», последние одиннадцать лет жизни провел в психиатрической клинике. В медицинской карте Ницше сохранились записи о том, что больной пил из сапога свою мочу, испускал нечленораздельные крики, принимал больничного сторожа за Бисмарка, пытался забаррикадировать дверь осколками разбитого стакана, спал на полу, а не на кровати, боясь с нее упасть, прыгал по-козлиному, гримасничал и выпячивал левое плечо. Трудно представить себе более трагический финал для великого мыслителя, употребившего свой дар на разрушение.

Из множества биографий великих людей можно вывести критерий для определения того или иного способа реализации ими своего таланта. Он сводится к довольно простому мысленному эксперименту.

Отнимите у гения то дарование, которое возвышает его над толпой, и он всё равно останется человеком умным, дельным, нравственным, здравомыслящим, способным заниматься любой другой деятельностью. Но попробуйте отнять этот же дар у эпатижного скандалиста (пусть даже и великого мастера, владеющего ремеслом) — и вы получите только несчастного чудака, ни к чему не пригодного в жизни. Если бы Иоганн Себастьян Бах не написал ни одной музыкальной строчки, он тем не менее был бы необычайно умным и порядочным человеком, добросовестным тружеником, честным мужем и прекрасным отцом. Но представьте себе того же Сальвадора Дали, вдруг лишившегося таланта живописца. Что останется от гениального безумца за вычетом его гениальности? Ответ, к сожалению, очевиден. **Ф.**